

Лион Фейхтвагнер

ЛЖЕ-НЕРОН

ИЕФФАЙ
И ЕГО ДОЧЬ

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)-44
Ф 36

Lion Feuchtwanger
DER FALSCHER NERO
Copyright © Aufbau Verlage GmbH & Co. KG, Berlin 1947 and 2009
JEFTA UND SEINE TOCHTER
Copyright © Aufbau Verlage GmbH & Co. KG, Berlin 1957 and 2009
All rights reserved

Перевод с немецкого
Иры Горкиной, Розы Розенталь, Елены Михелевич

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© Р. А. Розенталь (наследник), перевод, 1969
© Е. Е. Михелевич (наследник), перевод, 1994
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-25438-1

ЛЖЕ-НЕРОИ

Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться,
и нет ничего нового под солнцем.

Бывает нечто, о чем говорят: «смотри, вот это новое»;
но *это* было уже в веках, бывших прежде нас.

Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется
памяти у тех, которые будут после.

Екклесиаст, I, 9–11

Книга первая

ВОЗВЫШЕНИЕ

1

ДВА ПОЛИТИКА

В этот день — шестого марта — прохожие долго провожали глазами носилки сенатора Варрона, направлявшегося во дворец губернатора Сирии, императорской римской провинции. Два дня тому назад, когда новому губернатору Цейонию были торжественно вручены знаки его достоинства — топоры и связки прутьев, все заметили, что сенатор Варрон, самый могущественный человек в провинции, не присутствовал на церемонии. И теперь, когда он отправился с запоздалым визитом к губернатору, вся Антиохия толковала о том, как уживется Варрон с новым сановником.

Весна была ясная, довольно прохладная, с гор дул свежий ветер. Носилки повернули на длинную нарядную улицу — главную улицу города. Сенатор Варрон с легкой улыбкой на полных губах отметил опытным глазом, что перед многими правительственными зданиями и богатыми лавками усердствующие чиновники и горожане уже выставили бюсты нового губернатора. Он оглядывал эти бюсты из своих быстро проплывавших носилок. На судорожно вывернутых плечах сидела маленькая, сухая, костлявая голова. Сколько же лет прошло с тех пор, как он в последний раз видел эту голову во плоти? Двенадцать, нет, тринадцать. Тогда он полон был снисходительного презрения к этой физиономии. Тогда у него, Варрона, было место под солнцем. Император Нерон баловал его, а этот Цейоний, который не сумел стать другом императора, несмотря на свой высокий род и пышный титул, не пользовался влиянием и пребывал в постоянном страхе, как бы каприз императора не отшвырнул его прочь. Теперь гениальный Нерон гниет

в земле. Его место на Палатине занял император Тит, узколобые чиновники и военные правят империей, а плюгавенький, всеми презираемый Цейоний лихо шагает по пути карьеры, предначертанной ему с рождения. Теперь Цейоний — губернатор, наместник императора, он правит богатой и мощной провинцией Сирией, где сам Варрон живет на положении частного лица. Частного лица, ибо его давно уже исключили из сенатских списков, и если люди вокруг него кричат: «Да здравствует сенатор Варрон, сиятельный муж!» — так это простая вежливость.

Тем не менее, разглядывая бюсты нового губернатора, Варрон и теперь испытывал то же легкое снисходительное пренебрежение, какое он чувствовал к своему ровеснику Цейонию еще в детстве. Луций Цейоний происходил из богатого древнего рода и не лишен был способностей. Но старая глупая история запятнала честь его рода. Один из Цейониев, прадед Луция, семьдесят один год тому назад в битве против некоего Арминия одним из первых бросил оружие, и у Луция с юности было такое чувство, точно именно на нем лежит долг смыть это пятно со своего родового имени. Худосочный, бескровный мальчик уже в десять-двенадцать лет силился придать своему лицу и осанке важность и достоинство и, несмотря на хилость, с судорожной заносчивостью пыжился перед товарищами. Но это вымученное молодечество лишь навлекало на него особенно злые насмешки. Какое это прозвище они дали ему в школе? Сенатор Варрон сдвинул брови, напрягая память, но слово никак не приходило на ум.

Не так уж просто будет встретиться с милейшим Цейонием после долгих лет, да еще в столь изменившейся обстановке. Отношения Варрона с правительством провинции Сирии были чрезвычайно сложны. В губернаторском дворце римлянина Варрона издавна считали опаснейшим противником нынешнего римского режима в Сирии. Как еще все сложится при Цейонии, который, разумеется, не забыл прежнего жалостливого и вместе с тем враждебного презрения Варрона.

— Да здравствует сенатор Варрон, сиятельный муж! — раздавалось со всех сторон. Варрон велел пошире раздвинуть занавески носилок и выпрямился, чтобы его мясистое загорелое

лицо, с высоким лбом, крупным орлиным носом и полными губами, было лучше видно толпе. Он упивался всеобщим поклонением. Он чувствовал себя выше императорского наместника. Добиться признания здесь, в Антиохии, — это побольше, чем стать любимцем в Риме на Палатине. В нынешнем Риме, в Риме Флавиев, Тита, нужны деньги и знатность рода, ничего больше. Здесь, в Антиохии, с ее недоверчивым и возбудимым народом, в котором смешались греки, сирийцы, евреи, — надо было постоянно утверждать себя делами, личными качествами, снова и снова завоевывать доверие непостоянной толпы. Этот Восток был опасен, именно поэтому любил его Варрон. Он добился своего — завоевал признание в Сирии. Теперь он может противостоять наместнику императора как сила весьма реальная, хотя и не опирающаяся на договоры и привилегии.

Вот и дворец губернатора. В вестибюле между знаками консульского достоинства и связками прутьев — символами власти нового правителя — уже выставлены были ларцы с восковыми изображениями его предков; одно из них, изображение прадеда, осрамившего род, было прикрыто. Губернатор Цейоний, по-видимому, не посмел отплатить Варрону за то, что тот не присутствовал на церемонии вступления в должность. Он сам вышел в переполненный людьми зал. На глазах у всех обнял он и облобызал Варрона; маленький, тщедушный человечек выглядел немного смешно, когда повис на шее представительного сенатора; все слышали, как губернатор тонким скрипучим голосом сказал, что рад видеть товарища своей юности столь цветущим. Затем с приветливым видом пригласил Варрона к себе в кабинет.

Они уселись друг против друга. Губернатор Цейоний, щуплый, маленький, держался очень прямо в широком восточном кресле, занимая лишь половину сиденья, скреб ногтями одной руки ладонь другой и вежливо-испытующе смотрел на Варрона.

«В этой шивовой Антиохии, — думал он, — старину Варрона, по-видимому, еще считают важной особой. Но что он такое? Бывший человек. Отщепенец. В Риме о нем и думать забыли. Когда называют его имя, римляне смутно припоминают: „А, Варрон, это не тот ли, которого император Веспасиан после

какого-то скандала вычеркнул из сенатских списков? Он, говорят, нажил много денег в Сирии“. Деньги-то он нажил и, по имеющимся данным, пользуется влиянием у власть имущих по ту сторону границы. Но велика ли честь? Какое падение для римлянина, который некогда сидел в сенате, — слоняться по игрушечным дворам этих туземных вождей, этих жрецов и шейхов, с их жалкими царскими титулами. Ну, да мы уж и там о нем порадеем! Мой предшественник был рохля, иначе этот авантюрист Варрон не уселся бы здесь передо мною так нагло».

А Варрон сидел на диване, поджав ноги на восточный лад, в ленивой позе, с добродушным, чуть ли не сердечным выражением лица. Он отлично понимал мысли собеседника. Он знал, что тот смотрит на него свысока и вместе с тем боится его. Это доставляло ему злобное удовлетворение. Да, здесь он обосновался и умудряется даже, вопреки воле нынешних властителей, Флавиев, продолжать политику сближения с Востоком, начатую императором Нероном. Его отстранили. Веспасиан под каким-то позорным, смешным предлогом исключил его из сенатских списков. Но они ничего этим не добились. Варрон продолжал свою старую политику сближения, — правда сидя не в Риме, а здесь, в своих сирийских поместьях. Новым хозяевам, с их жесткими римскими милитаристическими методами правления, не удалось справиться с ним. Мелкие царьки, правители городов и духовные владыки государств, расположенных между Римской империей и Парфянской державой, смотрят как на представителя Рима не на губернатора Антиохии, а на него, Варрона. Он унаследовал их почтение и любовь, которыми прежде пользовался на Востоке низложенный император Нерон. Власть, завоеванная Варроном, была властью невидимой, но прочной и устойчивой. Правители римской провинции Сирии охотно отделились бы от Варрона, но, хоть он и был для них бельмом на глазу, они нуждались в его помощи и посредничестве, иначе Риму пришлось бы вести нескончаемые мелкие войны с пограничными государствами.

Варрон улыбался про себя, глядя, как неестественно прямо сидит Цейоний в одеянии с пурпурной каймой — знаком сена-

торского достоинства. Новым подданным этот римский наместник покажется, может быть, властным и могущественным; но Варрон читает неуверенность на этом бледном лице, покрытом красными лихорадочными пятнами. Он видит, с каким трудом дается Цейонию его выдержка, видит, что губернатор в свои пятьдесят без малого лет уже старик, изнуренный вечными потугами держаться прямо, искупить позор несчастного прадеда. Варрон испытывал веселое сострадание при виде этого лица. «Бедный Цейоний, — думал он, — бедный мой школьный товарищ! Ты мне не по душе, и со мной тебе не так легко будет справиться». Цейоний же думал: «Что ему, этому Варрону! Живет в свое удовольствие на этом гнилом Востоке, а наш брат из кожи лезет вон, чтобы не дать империи развалиться».

Эти мысли, мелькавшие у обоих, не мешали Варрону вести непринужденный разговор. Он рад, многословно распространялся Варрон, за Цейония, которому достался столь доходный пост, это почет и удача. Жаль только, что его назначили как раз в эту адски трудную провинцию. Сирия способна отнять все силы даже у очень крепкого человека.

— В сущности, — закончил он и улыбнулся легкой фамильярной улыбкой, точно похлопал по плечу своего собеседника, — в сущности, я рад, что я — частное лицо, а вы губернатор.

«Он, значит, не забыл, — подумал Цейоний с удовлетворением, — он помнит, что его выкинули из сената».

— Я слышал, — сказал он весело, — что вы и здесь даром времени не теряли.

— Ну конечно, — добродушно откликнулся Варрон. — Не так уж мы стары, чтобы сидеть сложа руки. Если не заниматься хоть немного культурполитикой, то куда же девать свой досуг? Да и ни для кого не тайна, что мое сердце принадлежит Востоку. — И он прибавил задумчиво, почти озабоченно: — Вы, Цейоний, римлянин с ног до головы, вам будет очень неуютно на этом запутанном, сложном Востоке. Если не срастись с ним сердцем... — Он пожал плечами, не докончив фразы.

Сидя прямо и неподвижно, Цейоний опять поскреб ногтями одной руки ладонь другой. Красные пятна на бледных костлявых щеках разгорелись, он искоса посмотрел на Варрона, заговорил сухим, скрипучим голосом.

— Сделать границы непроницаемыми, — сказал он, — утвердить дух Рима вплоть до самого Евфрата и не допускать, чтобы хоть что-нибудь чужое проникало с того берега. Иметь перед собой такую ясную задачу — ведь это лучшее средство срастись сердцем со всем здешним, с людьми и вещами. — И, стараясь смягчить резкость тона, он прибавил словно бы между прочим: — Мне очень жаль, мой Варрон, что в деле романизации нашего Востока придется отказаться от вашей помощи.

— Как так? — удивился Варрон. — Разве для человека, за которым не стоит армия, я мало сделал в этой области?

— Бесспорно, — вежливо согласился губернатор. — Вы немало способствовали насаждению в этой провинции греко-римского духа. Но и восточного вы притащили сюда, к сожалению, столько, сколько никто из римлян до вас.

— Это верно, — с удовлетворением подтвердил Варрон.

— Видите ли, дорогой мой, — продолжал Цейоний, — этого-то мы и опасаемся, этого-то мы и не любим. И конечно, — прибавил он не без злости, — вам не избежать разлада с собственной совестью, попроси я у вас совета в некоторых случаях. В самом деле, можно ли при наших вечных распрях с Востоком ждать хорошего, подлинно римского совета от того, кто является не только римским гражданином, но одновременно поданным парфянского царя и гражданином Эдессы?

«Он хорошо подготовился, — отметил про себя Варрон, — он хорошо изучил материалы обо мне. Это все тот же старый добрый враг. Пожалуй, он именно потому и стремился получить Сирию, а не какую-нибудь другую провинцию, что здесь сию я».

Заканчивая последнюю фразу, Цейоний вытянулся еще больше. Варрон окинул его взглядом. «Я легко с ним справлюсь, — с радостью подумал он. — Он был и всегда будет ничтожеством. Правда, вот такие ничтожества и позволяют себе иногда, в своем наигранном молодечестве, увлечься и внезапно предпринять насильственные действия, чреватые неожиданными последствиями». И тут ему вдруг пришло на ум прозвище, которое он напрасно старался вспомнить все время. Дергунчик! Конечно, Дергунчик! Вот как они прозвали в школе

Цейония. Так назывались деревянные куклы с подвижными руками и ногами — обычная забава на сатурналии; дернув за рычажок, можно было, потехи ради, заставить эти скрюченные фигурки распрямиться, а затем снова скорчиться. И прозвали так Цейония именно в насмешку над его потугами казаться выше, чем он был на самом деле.

Варрон развеселился, вспомнив прозвище Цейония. Он переменял тему разговора. Стал подробно расспрашивать губернатора о его частной жизни, настроении. Как оказалось, Цейоний опасался, что ему не так уж легко будет вжиться в этот чуждый всякого порядка мир восточного города. Предместье Антиохии Дафне, где были расположены виллы большинства аристократов и богачей, местность, известная всему миру своей бесстыдной роскошью, была не особенно приятным соседством для римского чиновника, исповедовавшего взгляды стоиков.

Собственно говоря, первый визит бывшего сенатора губернатору Сирии уже достаточно затянулся. Однако Цейоний задержал Варрона и снова заговорил о политических делах.

— Скажите, мой Варрон, — спросил он, — неужели вы и теперь, когда в правительственном дворце сидит не чужак, а я, будете чинить затруднения по поводу налога, предназначенного на инспектирование эдесских войск?

Дело было в том, что расходы по содержанию римского гарнизона в городе Эдессе, столице одноименного формально независимого государства по ту сторону Евфрата, согласно договору должна была покрывать сама Эдесса. Но римский губернатор взимал сверх того в Сирии специальный налог для проведения ежегодной проверки состояния войск по ту сторону границы. Налоговое управление Антиохии стояло на той точке зрения, что Варрон, как гражданин римской провинции Сирии, обязан платить этот «инспекционный налог»; Варрон же считал, что он уже платит деньги на содержание войска как гражданин Эдессы и что это было бы двойным обложением. Важны были не шесть тысяч сестерциев, которые не имели значения ни для Варрона, ни для правительственной казны, — важен был принцип. Правителей в Антиохии злило, что этот

знатный господин, который был в опале у Рима и все же не потерял римского гражданства, оборачивался, по своему произволу, то римским подданным, то подданным одного из месопотамских княжеств. Поэтому из-за налога между правителями Сирии и Варроном шел длительный, вежливый и ожесточенный спор.

И вот сейчас Варрон снова приводит старые доводы, уже известные губернатору по документам: такое двойное обложение не только юридически недопустимо, оно и политически опасно, оно подчеркнуло бы двусмысленность пребывания в Эдессе римского гарнизона, его враждебность городу.

Губернатор терпеливо выслушал пространные рассуждения.

— Все это прекрасно, — сказал он наконец, по-товарищески убеждая собеседника. — Но теперь, когда в этом доме сидит друг, я бы на вашем месте все же серьезно поразмыслил, не отказаться ли от месопотамского и парфянского подданства. Быть может, у вас появились бы тогда шансы восстановить свое прежнее положение в Риме.

Варрон напряженно слушал. То, что этот человек сразу же, при первой встрече, обнаружил такую настойчивость, что-нибудь да значило.

— Что вы хотите сказать? — спросил он прямо. — Значит ли это, что там намерены включить меня в сенатские списки?

Губернатор сообразил, что несколько преждевременно пошел навстречу Варрону, и поспешил отступить, приняв официально-сухой тон.

— Я, во всяком случае, — ответил он, — упомянул об этом на Палатине, и у меня создалось впечатление, что это не было встречено неблагоприятно. Впрочем, твердых обещаний, — поторопился он прибавить, — я, конечно, дать не могу. Но я предлагаю серьезно взвесить мои слова.

Варрон с трудом скрыл свое ликование. Они, значит, убедились, эти Флавиусы, эти ненавистные выскочки, что без него им на Востоке не обойтись. Они хотят снова включить его в сенатский список. Очень любезно с их стороны. Но на этот неуклюжий маневр такой человек, как Варрон, не попадется. Если они заполучат его в Рим, то через три месяца снова выставят из сената, но на этот раз будут умнее и разделаются с ним окон-

чательно. Сенатор в Риме! Что за дешевая приманка! И ради этого он должен отказаться от всего, чего с таким трудом здесь достиг, — от стремления слить воедино Восток и Запад, — и должен содействовать бескрылой политике новых хозяев, которые хотят перенести центр тяжести империи на Запад и воздвигнуть стену между ним и Востоком? «Благодарю покорно, господа. Я предпочитаю оставаться „двоюродным братом“ царя Эдесского. Я буду лучше „другом Великого царя Парфянского“, чем „сиятельным господином“ в Риме».

Он выразил губернатору благодарность за хлопоты в Риме по его делу.

— Я надеюсь, — промолвил Цейоний уже более теплым тоном, — что на этом пути мы быстро сговоримся.

— Я также надеюсь, — сказал Варрон, но теперь он говорил так сухо, что слова его прозвучали как отказ.

Тогда Цейоний счел уместным коснуться и другой стороны вопроса.

— Нам просто необходимо, — заявил он, — положить конец этому спору. Подумайте, Варрон, как неприятно было бы, если бы мне пришлось в один прекрасный день принять против вас меры.

— Да, мой Цейоний, — ответил Варрон, прикрывая сугубо вежливым тоном насмешку над такой пустой угрозой, — это было бы неприятно для нас обоих. Ибо при том значении, какое приписывают в месопотамских государствах — справедливо или несправедливо — моей скромной особе, эти меры вряд ли удалось бы провести без дорогостоящей военной экспедиции. А что бы вы выиграли? Престиж. Но, насколько я знаю тех господ, что сейчас сидят на Палатине, они не особенно склонны тратить деньги ради престижа.

Он встал, вплотную подошел к губернатору, фамильярно положил ему руку на плечо.

— Не прикажете ли рассматривать ваши слова как ультиматум? — спросил он с такой вызывающей улыбкой, что собеседник ясно почувствовал, какое слово мысленно произнес при этом Варрон: «Дергунчик!» Ибо раз Цейоний так настойчиво домогался его возвращения в Рим, Варрон мог разрешить

себе видеть в нем уже не представителя Рима и определенной идеи, а всего лишь Дергунчика, школьного товарища.

Со временем выяснится, что это была ошибка и что Варрон не мог себе такого позволить. Но пока губернатор Цейоний удовлетворялся тем, что незаметным движением освободился от столь интимного прикосновения и вежливо возразил: его слова надо рассматривать лишь как дружеское предложение, отнюдь не как ультиматум. Обменявшись еще несколькими ни к чему не обязывающими любезностями, они наконец распрощались.

Варрон вышел из здания правительства легкими, твердыми шагами, отослал носилки и слуг, пошел пешком домой по прекрасным улицам Антиохии. В последние годы он порой уже ощущал себя человеком не первой молодости; но в эту минуту он чувствовал себя по-юношески бодрым. Его враги, Флавию, оказали бывшему сенатору большую услугу, посадив ему на шею этого Цейония. Он радовался, что нынешний трезвый, милитаристский, узкий в своем патриотизме Рим, столь ему ненавистный, сейчас предстал перед ним именно в лице Цейония. Это будет веселая борьба, думал он. Добрый старый Дергунчик! И он заранее чувствовал себя победителем.

2

ГОРОД ЭДЕССА

Белый и пышный, расположился на холмах город Эдесса, столица одноименного княжества, самое северное из крупных поселений Месопотамии. Издали Эдесса, с ее храмами и колоннадами, с ее цирками, театрами, банями, гимнастическими школами, казалась греческим городом. Но внутри, в самом городе, очень редко попадались греческие надписи, редко слышна была греческая речь. Население ее являло собой пеструю смесь сирийцев, вавилонян, армян, евреев, персов, арабов, а греко-римского в ней только и было что дома.

К югу от Эдессы тянулась степь. Но самый город, богатый водой и цветущий, лежал на реке, именуемой Скирт, что значит «Попрыгунья», и благодаря ветрам с гор, отделявших Между-речье от Армении, воздух Эдессы был свеж и чист.

Эдесса лежала на перекрестке многих дорог. Это был богатый город. Через него проходила индийская и аравийская торговля пряностями и благовониями, равно и большая часть торговли жемчугом и ценными шелковыми тканями. Эдесса славилась своими прекрасными постройками. Издалека приезжали иностранцы, чтобы посмотреть на древний храм Тараты с почерневшими бронзовыми изображениями богини и ее своеобразными приапическими символами, на храм Митры, на университет, но прежде всего на Лабиринт, громадный, высеченный в скале грот на левом берегу реки Скирта, с сотнями узких, извилистых, бесконечно разветвленных ходов, галерей, пещер и лестниц.

Основание города Эдессы теряется в седой древности. Сначала он назывался Осроэна — город львов. Здесь господствовали хетты, ассирийцы, вавилоняне, армяне, македоняне. Наконец, триста лет тому назад, вторглись арабы, которые держались до сих пор. Теперь Эдесса, как одно из маленьких буферных государств между Римской империей и Парфянским царством, была под постоянной угрозой. Но вместе с тем город извлекал большую выгоду из своего нейтралитета; он с прибылью продавал его во время непрерывных войн между обеими великими державами — то одной, то другой из них.

Арабские князья Эдессы, всегда оставаясь в душе арабами, по мере сил поощряли арамейскую культуру, которая на этой части земли считалась самой высокой. Эдесский университет, бесспорно, пользовался лучшей репутацией во всем Междуречье и порой мог соперничать даже с высшей школой в Антиохии.

Город хранил в своих стенах много святынь и почитал многих богов. Во главе их стояла богиня Тарата, которая называлась также богиня Сирия, ей был посвящен городской пруд с красными рыбами. Наряду с ней почитался бог Лабир, имевший облик то ли быка, то ли секиры, божество Лабиринта, и другие старинные боги Ассирии, бог-лев в высях, великий Ваал и Набу. Далее, иранский бог Митра, арабские звездные боги — Ауму, Азис и Дузарис, а также греческие и римские божества. Ягве, бог евреев, тоже имел немало последователей

в Эдессе, даже рожденный им сын по имени Христос, что значит «помазанник», уже нашел здесь приверженцев.

Десятки тысяч людей, белых и смуглых, жили в прекрасном городе, арабские князья и их советники, греческие и сирийские купцы и землевладельцы, иранские астрологи, еврейские ремесленники и ученые, офицеры и солдаты римского гарнизона. Почти всегда через город тянулись караваны бедуинов. Среди всех этих народностей еще кишела пестрая смешанная толпа бесчисленных рабов. И все они — белые, черные, коричневые, с их скотом, верблюдами, овцами, козами и собаками, — жили, дышали, двигались в тесной близости друг с другом, говорили на разных языках, на разные лады почитали разных богов, вместе ели, пили, спали, совершали сделки, заключали браки, ссорились и мирились; ни один не мог бы жить без другого, каждый был, в сущности, рад, что рядом живет другой, и все гордились своим городом Эдессой, лучшим, прекраснейшим в мире.

Повелителем Эдессы был царь Маллук, пятый носитель этого имени; канцлером — Шарбиль, верховный жрец Тараты; комендантом римского гарнизона — полковник Фронтон. Но подлинным властителем Эдессы был сенатор Варрон.

3

ГОРШЕЧНИК ТЕРЕНЦИЙ

Среди многих предприятий, основанных Варроном в Эдессе, была керамическая фабрика, которую он устроил для одного из своих клиентов, горшечника Теренция, на Красной улице. То, что этот Теренций все еще назывался клиентом Варрона, объяснялось, конечно, лишь привязчивостью Теренция; он давно уже был человеком независимым и не нуждался ни в чьей защите. Он даже достиг уже звания старшины горшечного цеха Эдессы.

Надо сказать, что фабрика его отнюдь не была самой большой в городе и сам он не отличался особенным знанием дела. Работой в мастерских ведала скорее его жена, а коммерческой стороной дела — киликийский раб по имени Кнопс. Сам Те-

ренций редко появлялся на фабрике, зато его часто можно было встретить на улице или в трактире. Как старшине горшечного цеха, ему приходилось повсюду бывать и разговаривать со многими людьми. По делам своего ремесла он являлся для переговоров то в магистрат, то к советникам царя Маллука, то ему приходилось представлять цех на какой-нибудь городской церемонии, то устраивать какое-либо цеховое празднество.

Это был человек лет сорока с небольшим, с рыжеватыми волосами и блекло-розовой кожей, широколицый, с толстой нижней губой, близорукими серыми глазами, несколько грузный, но в общем представительный, настоящий римлянин с виду. Горшечный цех гордился своим старшиной. Не только потому, что старшина был уроженцем Рима, но главным образом потому, что у него была такая важная и значительная осанка и что он, как человек, не лишенный некоторых умственных интересов, отличался красноречием. По-латыни он говорил, как подобало истому римлянину, свободно владел греческим и арамейским, хотя ему нелегко давался трудный звук *th*, играющий большую роль в обоих языках. Некоторые, правда, находили, что Теренций любит разглагольствовать, и в самом деле, однажды дав волю безудержному потоку своей речи, он останавливался с трудом. Но впечатление он производил — это было бесспорно. Он умел, приосанившись, непринужденно беседовать с высокими особами, а порой даже принимать столь высокомерное и недовольное выражение, что приводил в смущение собеседников. Кроме того, он умел быть представительным. Если горшечный цех выделялся на празднествах ремесленников и в особенности на большом мартовском празднике, то это была его заслуга. В немалой мере помогало Теренцию и полученное им образование. Он знал наизусть длинные отрывки из греческих и римских классиков, щеголял цитатами, интересовался театром, и ежегодные игры горшечников, руководство которыми лежало на нем, привлекали много народу. Все, кто в Эдессе имел отношение к горшечному ремеслу, гордились этим представительным старшиной. Даже ученики, хотя на их долю доставалось немало колотушек в мастерских Теренция, предпочитали его более мягкосердечным хозяевам.

Впечатление, которое он производил, усиливалось еще тем, что в его судьбе было что-то невыясненное, какая-то тайна. В Эдессу он явился одиннадцать лет тому назад, ободранный, жалкий, обросший рыжеватой бородой. Никто бы тогда, глядя на него, не удивился, если бы он, как гласит греческая поговорка о ремесленниках, «утирал нос локтем». Никто не угадал бы в тогдашнем Теренции будущего старосту горшечного цеха. Люди, знавшие Рим, рассказывали, что мастерские Теренция пользовались там хорошей репутацией, что у него покупал даже императорский двор! Это звучало так, как будто у Теренция были какие-то таинственные личные связи с двором Нерона.

Сам Теренций и его близкие, жена Гайя и раб Кнопс, хранили молчание о его римском прошлом. Разве только в минуты приподнятого настроения, после какой-нибудь блестящей речи или удачного цехового праздника, Теренций намекал на то, каким ничтожным кажется ему такой успех, если вспомнить о временах, когда он был вхож в императорскую резиденцию. Но чего-нибудь более определенного, чем этот туманный намек, из него вытянуть не удавалось.

На самом же деле с горшечником Теренцием в Риме произошло следующее.

Его отец был рабом в семье Варрона. Старый Варрон отпустил на волю этого смышленного человека и устроил ему горшечную мастерскую. Но Теренций-сын не проявлял особой любви к горшечному ремеслу, он интересовался более высокими материями — театром и политикой. Когда он говорил о государственных делах или об искусстве, друзья превозносили его ум и проницательность и считали, что он достоин большего, нежели участь горшечного мастера. Таким образом, Теренций еще при жизни отца мало интересовался делами мастерской, а после его смерти и вовсе забросил ее. Мастерская быстро захирела. Так как состояние Теренция улетучилось, то друзья утратили былое почтение к нему, и мало осталось охотников расхваливать, а тем более снабжать его деньгами за удовольствие послушать изящные речи и длинные цитаты. Неудивительно, что у Теренция, который в двадцать два года выглядел сытым, крепким и ничем особенно не выдающимся человеком, в три-

Фейхтвангер Л.

Ф 36 Лже-Нерон ; Иеффай и его дочь : романы / Лион Фейхтвангер ; пер. с нем. И. Горкиной, Р. Розенталь, Е. Михелевич. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2024. — 640 с. — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-25438-1

В 1936 году в Амстердаме был опубликован роман «Лже-Нерон» — произведение выдающегося немецкого писателя Лиона Фейхтвангера, незадолго до того выпустившего в свет первую и вторую части эпической «Трилогии об Иосифе Флавии». Сюжет, затронутый в процессе работы над этим монументальным историческим полотном о древнеримском историке иудейского происхождения, вдохновил Фейхтвангера посвятить отдельный роман истории горшечника Теренция, объявившего себя чудом спасшимся императором Нероном. И по сей день этот компактный, почти случайно появившийся на свет роман остается одним из самых любимых в творческом наследии Фейхтвангера для многих его почитателей.

Роман «Иеффай и его дочь», также включенный в сборник, во многих смыслах вершина творчества Фейхтвангера. В нем вновь звучит еврейская тема, более или менее явственно нашедшая выражение в большинстве его сочинений. Но, кроме того, этот роман — плод многолетних размышлений о судьбе библейского Иеффая, поразившей автора еще в детстве, о трагическом противостоянии человека роковому стечению обстоятельств. Роман «Иеффай и его дочь» был опубликован за год до смерти писателя.

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)-4

ЛИОН ФЕЙХТВАНГЕР
ЛЖЕ-НЕРОН
•
ИЕФФАЙ И ЕГО ДОЧЬ

Ответственный редактор Анна Щеникова-Архарова
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Валентина Гончар, Ульяна Смирнова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 12.04.2024.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 39,2. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®,
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге,
191024, г. Санкт-Петербург,
ул. Херсонская, д. 12–14, лит. А,
Тел. (812) 327-04-55, E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.

Өндіруші: «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ —
ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19,
E-mail: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,
Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А,
Тел. (812) 327-04-55, E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-ILN-34428-01-R